

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ конторѣ редакціи, на Эриванской площади, въ домѣ Харазова, № 3, въ Тифлісѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 9 до 2 и отъ 5 до 7 часовъ вечера.

Цѣна отдельного номера 20 к.

ФАЛАНГА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРІСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ.

ФАЛАНГА
УСЛОВІЯ ПОДПІСКИ
1866-1867

Съ доставкою на день:

На 1 годъ	8 р. — к.
" 6 мѣсяцевъ . . .	4 " 50 "
" 3 мѣсяца	2 " 50 "

Съ разсыпкою по Имперіи:

На 1 годъ	8 р. 50 к.
" 6 мѣсяцевъ . . .	5 " — "
" 3 мѣсяца	2 " 75 "

— Вотъ таёжъ дождикъ, супъто барскій, должно быть, порядкомъ подмоќъ...

ИЗЪ „ПОПУЛЯРНОСТИ“ БАРЬЕ.

Ужели спину гнуть—потребность человѣка,
И такъ кумиръ необходимъ,—
Что нужно и народъ взять идоломъ для вѣка
И преклониться передъ нимъ?

Ужели-жъ снова пасть, едва успѣвъ подняться?
И, наконецъ, ужель забыть,—
Что тотъ, кто клятву далъ свободѣ покло-
ниться,
Ее обязанъ стоя читить?..

Увы, печальный мигъ весь свѣтъ переживаетъ:
Вѣкъ небывалый настаетъ,
Когда людской порокъ гноитъ и разлагаетъ
Все то, что солнце создаетъ;

Когда въ сердцахъ людей все доброе убило,
И поглотилъ ихъ эгоизмъ,
И добродѣтель къ нимъ лишь наскоро пришита
И длится день ихъ героизмъ;

Когда огонь любви къ Отечеству потухнулъ,
Гражданскій долгъ смѣшнымъ прослылъ,
Святой алтарь стыда общественнаго рухнулъ
И міръ обломками покрылъ!

И все упало въ грязь! Все загрязнилъ нахальный
Своимъ безстыдствомъ сильный вѣкъ,
И цѣлый міръ облекъ, какъ въ саванъ по-
гребальный,
Въ свое презрѣнье человѣкъ!

Ив. Тхоржевский.

„СДРАВСТВУЙ СУЩЬ ТЫ МОЙ ЛЮБЕЗНЫЙ!“

КАРТИНА НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

(Легкое подражаніе Щедрину).

II.

Послѣ описанной нами бесѣды *) дѣй-
ствительныхъ статскихъ советниковъ Петра
Ивановича съ Иваномъ Петровичемъ, прошло
около двухъ мѣсяцевъ. Былъ осенний дождливый
вечеръ; Петръ Ивановичъ на этотъ
разъ не пошелъ къ своему другу Афанасию
Лаврентьевичу на обычный вечерній вистъ.
Онъ сидѣлъ у письменного стола, съ только
что полученнымъ письмомъ изъ Петербурга
и казался встревоженнымъ. Онъ нѣсколько
разъ нахмурилъ брови прочелъ письмо и за-
думался. Онъ даже не замѣтилъ, какъ лакей
ему подалъ чай. Наконецъ, очнувшись, онъ
позвалъ человѣка и велѣлъ ему пойти за
Иваномъ Петровичемъ. Только что человѣкъ
вышелъ, какъ встрѣтилъ Ивана Петровича въ
дверяхъ. Иванъ Петровичъ противъ обыкно-
венія былъ озабоченъ, такъ что войдя въ
комнату, онъ задѣлъ ногою коверъ, и чуть
не растянулся на полу. Петръ Ивановичъ бы-
стро оглянулся. Гость и хозяинъ нѣсколько
минутъ молча смотрѣли другъ на друга.

*) См. № 7 „Фаланги“.

— Слыхаль, ваше пр—во, сказалъ со
вздохомъ Иванъ Петровичъ.

— То-то... я говорилъ, что безъ пригла-
шенія не обойдется, сказалъ Петръ Ивано-
вичъ такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ
выместить всю свою досаду на своемъ другѣ.

— Не ожидалъ, ваше пр—во, что это
такъ скоро уладится!

— Ну, то-то! А ты все твердилъ, что его
ужъ нѣть, да его ужъ нѣть; вотъ тебѣ и
дождался!

— Вы же сами подтвердили, ваше
пр—во, мое мнѣніе, что людей нѣть.

— Подтвердилъ! Подтвердилъ! Я, братъ,
подтвердилъ, что здѣсь нѣть людей, а не
тамъ.

— Это точно, ваше пр—во, тамъ людей
много!

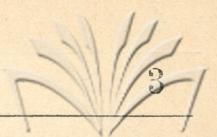
— Ну, много, такъ много, и пусть бы
оставались тамъ!

— Вотъ ваше пр—во, говорилъ я вамъ,
что если вмѣсто него, да Терентья...

— Фу! ты пропасть! наконецъ взбѣсился
Петръ Ивановичъ, заладилъ одно „если
вмѣсто него, да...“ Чего тутъ вмѣсто него
да... когда ужъ есть вмѣсто него!

— Это точно, ваше пр—во, справедливо,
теперь ужъ поздно!

Пауза.

— Ну, что, ваше пр—во, каковъ онъ?
— Строгъ!
— А на счетъ аккуратности какъ?
— Нѣтъ, противъ него пасъ!
— Еще бы, ваше пр—во, такого аккуратнаго человѣка въ Россіи не сыскать! Ну, а на счетъ особыхъ привычекъ, какъ?
— Нѣтъ, ходить не любить!
— А на счетъ приступа?
— Легче; но строгъ!
— Скажите, пожалуйста, строгъ!! Значить горячъ?
— Не знаю, горячъ или нѣтъ, но строгъ!
— А скажите, пожалуйста, ваше пр—во, правда, что музыка нѣтъ?
— На скрипкѣ играетъ!
— На скрипкѣ.. что жъ, хороший инструмент! Значить, ваше пр—во, въ душѣ музыкантъ?
— Не знаю, какъ тамъ, а попадись ему, такъ трепака запляшешь!
— Не дай Богъ, ваше пр—во! А я думалъ что строже его человѣка нѣтъ.
— А вотъ пріѣдетъ такъ увидишь!
— Говорить любознательный, таинственно говорить Иванъ Петровичъ, все обшарить: какъ моль у васъ все дѣлается? Вотъ это скверно! Но моему, ваше пр—во, коли пріѣхалъ куда и держись того порядка, а то пойдутъ перемѣны, преобразованія, улучшенія, сокращенія!
— То-то сокращенія!
— Охъ! ваше пр—во, сокращенія эти смерть моя! Не люблю я это.
— Любишь не любишь, а поневолѣ сократишься когда заставятъ!
— Да, конечно, ваше пр—во, противъ этого кто говорить! То-ли дѣло, ваше пр—во, военные; у нихъ никакихъ сокращеній не бываетъ.
— Да... у военныхъ... на этотъ счетъ крѣпче!
— У нихъ опять, ваше пр—во, на счетъ почтительности или какъ они называютъ, дисциплины гораздо лучше. Тамъ ваше пр—во, чинъ чина почитай!
— Еще бы!.. въ томъ то и дѣло!
— У нихъ, ваше пр—во, коли встрѣтишь офицеръ генерала, такъ честь отдается! А у насъ, и сторожъ Михѣевъ коли вѣдь департамента встрѣтить д. ст. сов. и то бровью не шевельнетъ!
— Это понятно... у нихъ... духъ корпорациіи.
— Вотъ, хоть бы примѣрно взять, они клубъ затѣяли! Вѣдь такъ сказать клубъ... т. е., ваше пр—во, мѣсто время препровожденія, но все таки и тамъ не забываютъ поговорки „чинъ чина почитай!“ Вѣдь буфетъ и тамъ дисциплина!

— Какъ вѣ буфетъ?
— Вѣ ресторациіи, ваше пр—во; тамъ дѣлъ карточки обѣденныя, генеральская и офицерская! Лучшія кушанья вѣ генеральской, а немного по проще вѣ офицерской.
— Что жъ, это хорошо... гастрономическая дисциплина,
— Еще бы, ваше пр—во! Что переварить желудокъ титуларного совѣтника, то нашъ не переварить!
— Это правда!.. Намедни я былъ вѣ „Кружкѣ“... хотѣлъ ужинать... Вижу Спиногибовъ барапій бокъ съ кашей потребовалъ... давай говорю и я попробую... Сѣсть, и послѣ недѣлю не могъ переварить, вѣ постель слегъ... А Спиногибовъ ничего... пришелъ на другой день вѣ департаментъ...
— Да, ваше пр—во, съ чинами и же лудокъ разстраивается!
Водворяется молчаніе.
— Вотъ я опять на счетъ военныхъ, ваше пр—во, начинаетъ вновь Иванъ Петровичъ. У нихъ духъ единый, ваше пр—во, это не то, что у насъ! У нихъ каждый старается, какъ бы совершенствоваться вѣ своей специальности. Для этого они выдумали даже игры.
— Какія игры?
— Военные игры, ваше пр—во!
— Какого рода эти игры?
— Это такъ сказать, ваше пр—во, вѣ родѣ шахматъ. Примѣрно сказать, раздѣляется поле на двѣ части; ставятся пѣнки, изображающія силы воюющихъ сторонъ, и начинается приступъ.
— Что жъ, это хорошо... хорошая выдумка..
— Вотъ было бы хорошо, еслибы для статскихъ выдумать игры...
— Какія же игры? вѣдь статскіе не сражаются!
— Это правда, ваше пр—во, что мы не сражаемся, но можно выдумать такую игру, чтобы усовершенствовать вѣ бюрократическихъ приемахъ.
— Да, это было бы не дурно.
Молчаніе.
Иванъ Петровичъ, достаетъ изъ бокового кармана, какой то свертокъ.
— Вотъ, ваше пр—во, конфузно говоритъ Иванъ Петровичъ, у меня проежектъ на счетъ статскихъ игръ.
— А, ну-ка, покажи!
Иванъ Петровичъ разворачиваетъ свертокъ бумаги и вынимаетъ плоскую карточку и нѣсколько деревянныхъ пѣнокъ.
— Вотъ видите, ваше пр—во, это доска вѣ родѣ шахматной, вотъ пѣники. Я, ваше пр—во, ставлю эти пѣники на мѣста и называю ихъ именами чиновниковъ. Положимъ вотъ

эти пѣники: это Терентій Лукичъ, это Василій Игнатьевичъ, это Спирidonъ Васильевичъ и т. д. Теперь вы тоже поставьте эти пѣники и я начну ходить. Я хожу, ваше пр—во, Терентьевъ Лукичомъ.

— Гм! Терентій Лукичъ! Терентій Лукичъ! Ему можно сопоставить Лука Лукича!

— Шахъ, ваше пр—во, дѣйствительно Лука Лукичъ лучше Терентія Лукича! Побѣдили ваше пр—во! Теперь я вновь хожу, Каракозомъ Каракозовичемъ.

— А я ему сопоставляю, братъ, Василья Васильевича Дивидендова.

— Куда ему, ваше пр—во, до Каракоза Каракозовича! Это не такой формалистъ какъ Дивидендовъ.

— Какъ же братецъ не такой, когда Каракозъ Каракозовичъ его создалъ, вѣдь онъ его воспиталь!

— Это правда, ваше пр—во! Но онъ не унаследовалъ его формальности! У Дивидендова, ваше пр—во, каждая бумага кончится какъ окорокъ, пока отъ одного стола перейдетъ къ другому, для всякаго нововведенія ему нужно цѣлый вѣкъ, пока онъ его пойметъ. Вотъ, хоть бы примѣрно сказать, теперь новыя гербовыя марки ввели. Одинъ изъ начальниковъ какого то учрежденія подалъ прошеніе вѣ канцелярію где служить Дивидендовъ и забылъ приложить сорока копеечную марку. Дивидендовъ, ваше пр—во, началъ по этому поводу переписку съ акцизнымъ учрежденіемъ о взысканіи сорока копеечной марки, исписалъ на 50 копеекъ казенной бумаги и истеръ у сторожей на рубль серебромъ подошли! А между тѣмъ онъ съ этимъ начальникомъ каждый день видѣлся и могъ безъ переписки взять у него марку.

— Нѣтъ, братъ Иванъ Петровичъ, я вижу, что ты заразился новыми идеями... Ну, какъ же ему было поступить иначе... Форма вещь необходимая!

— Нѣтъ, ваше пр—во, противъ Каракоза Каракозовича онъ пасъ!

Пауза.

— Я хожу Анатоліемъ Степановичемъ, сказалъ, послѣ долгаго раздумья, Петръ Ивановичъ.

— Ну, выбрали же доку, ваше пр—во! Ему можно сопоставить... ему можно сопоставить... Тутъ Иванъ Петровичъ сильно призадумался...

— Что же ты, братецъ мой, сталъ?

— Да вотъ не знаю, ваше пр—во, кого ему сопоставить... никакъ не могу прискать. Не нахожу человѣка... Людей нѣть!

— Именно, правду ты сказалъ, людѣй нѣть!

— У каждого челозбка, какъ мы видите, кожа на черепѣ сплошь покрыта густыми волосами...

**

Великій постъ! Конецъ блинамъ,
Конецъ вину и наслажденьямъ,
Конецъ веселымъ вечерамъ,
Конецъ грѣхамъ и заблужденьямъ.
Теперь настали дни молитвъ
Дни покаянья и говѣнья,
Какъ послѣ частыхъ, трудныхъ битвъ
Приходятъ дни отдохновенъя...
Всѣ бродятъ, носъ повѣсивъ свой,
Главу посыпавъ цепломъ съ горя;
Всѣ недовольны такъ собой;
У всѣхъ заботъ и хлопотъ—море.
Тотъ заболѣлъ, тотъ задолжалъ,
Того сгубили маскарады,
Тотъ слишкомъ много проигралъ.
Ну, словомъ, жизни всѣ не рады.
Вотъ тѣма всѣхъ дневныхъ бесѣдъ.
Забыть блины—всего полезнѣй:
Не будетъ ихъ—не будетъ бѣдъ,—
Какъ и желудочныхъ болѣзней!
Ну что-жъ, забудемъ! (средь поста
Не трудно это,—въ томъ нѣтъ слова),
Пока на Пасху, Господа,
Начнемъ опять бѣситься снова.

Шинуазъ.

НА ЗУБЪ.

Достаточно взглянуть на обертку нашихъ книжекъ, перевернуть двѣ—три страницы, и содержаніе ихъ становится извѣстнымъ безъ дальнѣйшаго чтенія. Читатель сразу конечно не повѣритъ намъ и скажетъ: „шутить и вѣкъ шутить, какъ васть на это станеть“, но мы примемъ здѣсь должна мѣры противъ такого скептицизма читателя. Мы здѣсь вполнѣ добросовѣстно разберемъ двѣ довольно объемистыя книжки, которыхъ мы не читали и никогда не прочтемъ.

На масляницѣ всѣмъ просвѣщенными грузинамъ разосланъ былъ пробный номеръ нового журнала «Имеди», издаваемаго Михаиломъ Гургенидзовымъ (кто онъ? не псевдонимъ-ли?). Просвѣщенные грузины прочли и ахнули: въ пробномъ номерѣ оказались статьи весьма сомнительного достоинства; мы повторяемъ, не читали журнала, но нельзя повторить, чтобы лицемѣрить они могли, такъ какъ сама редакція заявляетъ, что она не имѣла возможности быть строго разборчивою при подборѣ статей для пробнаго номера, вслѣдствіе поздняго получения ею правительственнаго разрѣшенія на изданіе журнала. Позднее разрѣшеніе, конечно, могло подвигнуть редактора издать пробный номеръ не

въ февраль, а въ мартѣ, но какъ извѣстно, «у всякаго барона своя фантазія», и г. Гургенидзе, хотя и не баронъ, но все-жъ, вѣроятно, не лишенъ этого добра.

Намъ, кромѣ того, передали, что profession de foi дебютантовъ—на 63 страницѣ, въ статьѣ редактора, и на 90 стр. въ статьѣ литературнаго критика. Мы не полѣнились прочесть двѣ страницы и за то же были вознаграждены сторицою: мы узнали, что въ землѣ нашей обрѣтается готовый чугунъ (см. 63 стр.) на страницѣ же 90 грузинскій Лес-сингъ заявляетъ, что его кружокъ отличается отъ другихъ литературныхъ кружковъ большою скромностью и что въ литературѣ онъ не придаетъ никакого значенія талантамъ и познаніямъ.

Нужно признаться, это заявленіе настъ немного озадачило; мы спрашивали себя: что же можетъ замѣнить писателю таланты и познанія? что же можетъ замѣнить человѣку голову съ мозгами? Ради разрѣшенія этого труднаго вопроса мы, скрѣпя сердце, рѣшили прочесть всю статью, но вдругъ озарила насъ счастливая мысль: писателю познанія и таланты замѣняетъ чугунная голова, ибо, какъ открыла новая редакція, чугунъ есть естественное произведеніе нашей природы. Мы, успокоившись на этой разгадкѣ дальше,

конечно, не пошли; ничего дальше не читали, будучи уверены, что тамъ встрѣтимъ гоголевского Попрыщина съ «луной, пресвѣрно сдѣланной въ Гамбургѣ и съ шинкою на носу тунисского бея». Жаль, что тамъ вѣтъ составителя «Кавк. Календаря» съ «туземцемъ городомъ Карсомъ».

На-днѣхъ тифлисское отдѣленіе географического общества издало ученое сочиненіе д-ра Радде о Хевсуріи. Мы, конечно, не можемъ взять на себя критику ученаго труда. «Куда намъ до такихъ сужденій!» но чувствуемъ, что трактать не могъ обойдтись безъ банкана; вотъ почему: въ «Кавказскомъ Календарѣ» 1877 г. напечатанъ отрывокъ изъ этого труда, заканчивающійся описаниемъ ширшства у грузинскаго князя. Кахетинскій Вахъ сильно подѣствовалъ на доктора и онъ пишетъ:

„Князь находится въ полномъ убѣжденіи, что это настоящій грузинскій нашесть: Прислушайтесь повнимательнѣе! Представьте себѣ, что Генрихъ Гейне пошаль даже въ страшну хевсурѣ. Послѣ каждой хорошо проѣтѣй пѣсни раздается изъ угла, где сидятъ пѣвцы (туземные) par excellence:

„Mit deinen schoenen Augen,
Hast du mich gequälet so sehr,
Du hast mich zu Grunde gerichtet
Mein Liebchen, was willst du noch mehr“!

Внизу прививали дикарю логику русскихъ законовъ; на верху общество веселилось на грузинскомъ наирѣ, устроенному на европейской ладѣ. Чрезъ двѣстѣ лѣтъ, у перевала Ацуны, на 10000 ф. надъ уровнемъ моря, будеть стоять веселая гостинница. На выѣзѣ ея будеть красоваться надпись: „Au dernier Knevsur.“ Ира правнуки д'Израэли и Горчаковыхъ заѣдутъ туда по пути въ Индию, совершивъ предварительно экскурсію въ „живописную“ Хевсурю. Въ Тионети также будеть стоять трехэтажный отель: „A la ville de Paris“, и тамъ высокіе гости будуть встрѣчены оберъ-келнеромъ въ черномъ фракѣ съ глубочайшими поклонами. На обѣденной карточкѣ будеть красоваться миньюторная горная форель, всего только въ одинъ рубль пѣною, а бутылка стараго кахетинскаго будеть обозначена неизмѣримо дешевою пѣною четырехъ рублей... Ибо цивилизациѣ нивелируетъ все, что ее можетъ вынести, а хевсурѣ, которые ее вынести не могли вымерли.

Если все это писало не подъ вліяніемъ кахетинскаго Бахуса, то тѣмъ хуже для автора.

СОВРЕМЕННЫЕ МОТИВЫ.

Всѣ помышлани на деньгахъ,
Всѣ толкуютъ лишь о хлѣбѣ,
Хлѣба лишь не просить духи,
Что живутъ незримо въ небѣ.

**

Мы-же, смертные, повсюду
Ищемъ въ деньгахъ благодати.
Вѣдь известно, что не будешь
Сытымъ... лежа на кровати...

— Надя, ты меня не любишь?...
— Нѣтъ... она сказала,
— Я люблю тебя, мой милый!...
И... подѣловала.

**

— Брось лукавить, Надя, знаю—
Любишь безконечно
Ты меня, но еще больше
Мой карманъ... конечно?...

Атомъ.

СЧАСТЛИВЕЦЪ

(Туземная сказка).

1

Я сказку старую слыхалъ:
Въ давно прошедшій вѣкъ
На бѣломъ свѣтѣ проживалъ
Счастливый человѣкъ....
Онъ баснословно бытъ богатъ,
Бытъ молодъ, полонъ силъ,
Бытъ на красавицѣ женатъ,
Любимъ женою бытъ...
И утра рannій, яркій свѣтъ,
И кроткій блескъ луны
Несли ему любовь, привѣтъ
Красавицы жены,
Несли лобзаній жгучихъ градъ,
Любовной рѣчи звукъ,
Въ истомѣ нѣтъ померкшій взглядъ,
Обѣятья милыхъ рукъ...
Съ охоты-льѣхъ онъ домой,
Съ похода-ль на врага —
Онъ зналъ, что дома ждетъ побои,
А не сюрпризъ—рога...
Такъ, безъ волненій и страстей,
Прозрачнѣе стекла,
Что рѣчка тихая степей,
Счастливца жизнь текла....
За днемъ шоль день, за годомъ годъ,
Каѣвъ въ сладкихъ грезахъ сна...
Да скорбь то гдѣ-же? Иль живѣтъ
Въ преданьяхъ лишь она?
Иль воцарился богъ иной,
Иль дремлетъ грозный рокъ?..
...Счастливецъ мой къ женѣ домой
Вернулся разъ не въ срокъ...
Бытъ вечеръ. Золотомъ горя,
Спускаясь за лѣсъ,
Одѣла пурпуромъ заря
Край западный небесъ...
Земли роскошный уголокъ
Бытъ пустъ и тихъ кругомъ,
Лиши подъ горой ворчалъ потокъ,
Сердитѣе чѣмъ днемъ...
Привязанъ конь къ колычу воротъ...
Обнѣть жену спѣша,
Къ ней въ спальню, крадучись, идѣть
Счастливецъ, чутъ дыша...
Вотъ у порога онъ... рука
Толкнула робко дверь...
Все тихо вокругъ... „Навѣрняка
„Голубка спить теперь...“
Приливомъ нѣжности, любви
Охвачень, умиленъ,
Смиря страсти пыль въ крови,
Взглянула въ глубь спальни онъ,
Взглянула и стала чады бѣлѣй:

..... имеретинъ.

Иное горе налетитъ,
Каѣвъ смерть морскихъ пучинъ,
Раздавить все, все истребить,
Все сгубитъ въ мигъ одинъ...
Чѣмъ только жилъ лишь человѣкъ,
Чѣмъ думалъ жить потомъ—
Изчезнетъ, словно вѣшній снѣгъ
Подъ солнечнымъ лучомъ...
Отпоръ немыслимъ... воли нѣтъ,
Нѣтъ силы для борбы
И гордый умъ молчитъ въ отвѣтъ
Безумію судьбы...
Такъ было тутъ... Не дикій гибель,
Супруга обуялъ,
Онъ не рванулся словно левъ,

Не тронулъ свой кинжалъ...
Нѣть, молча, будто автоматъ, **ЭКСПРЕСС**
Безчувственный, нѣмой, **ЗПОЛНОМОЧІІ**
Онъ тихо двинулся назадъ,
Поникнувъ головой;
Лицомъ блѣднѣе мертвца,
Украдкою, какъ тать,
Сошелъ съ широкаго крыльца
И сѣль въ сѣдо опять...
И конь, послушный удиламъ,
Понесъ бѣднагу въ даль...
...Не зналъ какъ, читатель, вѣмъ—
А мнѣ героя жаль!...

2

Длинна дорога, труденъ путь
Подъ иной тяжкихъ муки!..
Заѣхать къ другу, отдохнуть
Рѣшилъ мой экск-супругъ...
Друзьямъ, разставшимся давно,
Мигъ встрѣчи сладокъ бытъ ..
Изъ *коеври*¹⁾ дѣдовскихъ вино,
Заздравныхъ тоестовъ пиль,
Обильный ужинъ, разговоръ,
*Супруни*²⁾ нѣжный звукъ,
Хозяйки милой чудный взоръ,
Семы любимой кругъ—
Рѣбъ встрѣченъ бытъ желанный гость,
Звучаль веселъемъ домъ...
Но нашъ герой, скрывая злость,
Едва смотрѣлъ кругомъ...
(Мученія тоныше и сильнѣй
Нѣть для сердца больныхъ,
Какъ видѣть радости людей
И не имѣть своихъ...)
Ужъ поздно... Ужина финаль—
И отдыхъ недалекъ...
*Саквелакиндо*³⁾ прозвучаль
И выпить туркій рогъ....
Оставленъ гость опять одинъ,
Одинъ съ своей тоской,
Какъ стоялъ среди родныхъ руинъ,
Угрюмый и нѣмой...
Не выдалъ онъ свою печаль
Друзьямъ... Яснѣй чѣмъ май
Цѣѣла ихъ жизнъ и было жаль
Ему смутить ихъ рай.
Но злая скорбь за то вдвойнѣ
Гнала его теперь...
Въ раздумье, словно какъ во снѣ,
Открылъ на дворъ онъ дверь...
Востока ночь, какъ день свѣтла,
Полна дыханья розъ,
Надъ міромъ смолкнувшимъ пыла,
Со свитой чудныхъ грезъ...
Блестѣлъ свѣтлякъ въ листахъ вѣтвей...
Деревьевъ строй вокругъ
Подернулъ свѣткою тѣней
Посеребреный лугъ...
Сковыль всю землю сладкій сонъ ..
У двери гость стояль
И въ даль глядѣль... И чуялъ онъ,
Какъ тихо ногасаль
Досель упорный, острый, злой
Огонь въ его крови
Предъ силой мощнѣй и живой
Природы и любви...
И думалъ онъ: „Останусь здѣсь
„Въ кругу друзей своихъ,
„Отдамъ я силь остатокъ весь,
„Какъ имъ, такъ дѣти ихъ,
„Прошедшей жизни горе, срамъ
„Разсѣю, словно дымъ...
„Я буду вновь, несчастный самъ,
„Жить счастіемъ чужимъ,

1) Кувшинъ для храненія вина.

2) Застольная пѣсня.

3) Заключительный тостъ.

— Нѣтъ-съ, позовльте-съ, вы дайте мнѣ болѣе вѣское до-
казательство, чтобы я могъ почувствовать, что...
— Изз...воль!...

Всевластной волей вырвавъ прочь
„Изъ сердца смы зла....“
А ночь востока, нѣги ночь,
Дыша надъ мимъ, плыла....
Купаясь въ легкомъ вѣтеркѣ,
Шумѣлъ листами дубъ....
Вдругъ слышитъ онъ: невдалекѣ
Лобзанье чихъ-то губъ....
Нелсній, робкій разговоръ....
Мельнула тѣль во мглѣ....
На шумъ, беззвучно, точно воръ,
Поползъ онъ по землѣ....
Поползъ, какъ къ жертвѣ хитрый змѣй,
Взглянуль подъ сѣнь куртина....
Глядить: хозяйка тамъ и съ ней
.... имеретинъ!....
Сдержавъ въ груди невольный стонъ,
Чтобъ не поднять скандалъ,
Гость въ тотъ же мигъ изъ дому воинъ
Украдкой убѣжалъ....
Боялся встрѣчи съ кѣмъ нибудь,
Онъ, подъ покровомъ тьмы,
Пошелъ пѣшкомъ въ дальниѣшій путь....
Пойдемъ за нимъ и мы!....

3

Не знаю долго-ль, коротко-ль
Пріятель нашъ бродилъ,
Кѣмъ званъ бывалъ на хлѣбъ, на соль,
Гдѣ отдыхъ находилъ —
Мы застаемъ его теперь
У богача въ гостяхъ....
Герой югрюмъ, глядить какъ звѣрь,
Молчанье на устахъ....
Напрасно долго, со слезой,

Молилъ его богачъ,
Чтобъ онъ секретъ повѣдалъ свой —
Не помогалъ и плачь!...
Не скоро счастья выпадъ мигъ,
Когда лишенній силъ,
Сдался бѣдникъ.... Любви языкъ
Ледъ сердца въ немъ пробилъ....
Онъ началъ рѣчь.... Онъ все сказалъ:
Какъ жилъ съ женой своей,
Какъ глупо жизни его сломалъ
Громъ, грянувшій надъ ней;
Какъ у друзей найти покой
Разс切尔ъ неѣбрно онъ....
Лилася исповѣдь рѣкой,
Порвавшей зимній сонъ...
Хотя не скоро, но рассказалъ
Героемъ конченъ былъ....
Хозяинъ — князь, который глазъ
Все время не сводилъ
Съ его лица, теперь привсталъ,
Разправилъ усы сѣдой
И молвилъ: „Жизнь свою сломалъ
Ты самъ, никто иной!...
„Любовь, невинность женъ своихъ,
Какъ лучшій перлъ земли,
Ревнивѣй всѣхъ богатствъ другихъ,
Всѣ люди берегли...
„Ты — пряталъ крѣпко подъ замокъ,
Мѣшки съ своей казнью,
Жену-же бросилъ за порогъ,
Какъ будто хламъ какой...
Какъ любить золото уходъ,
Какъ любить мечъ ножны—
„Любить такъ жены, въ свой чередъ,
И нашъ присмотръ должны...

„А добрѣтель ихъ — повѣрь —
„Лишь только звукъ пустой...
„Не заперъ ты отъ вора дверь
И самъ всему виной!..
„Смотри сюда: я старъ и сѣдъ,
Совсѣмъ мой черепъ голъ,
Съ женой, однако много лѣтъ
Безъ горестей провелъ...
И отчего?.. Пойдемъ со мной,
Ты сразу все поймешь...
Ты самъ увидишь: выводъ мой —
„Не хвастовство, не ложь!..“
Пошли... Безмолвенъ, поражень,
У цѣли гость стоить,
Сундукъ громадный, видѣть онъ,
Желѣзомъ весь покрытъ...
„Я здѣсь жену храню,“ сказалъ
Ему сѣдой супругъ,
Замокъ тяжелый отперъ, снялъ
И распахнулъ сундукъ...
• • • • •

На свѣтѣ послѣ много лѣтъ
Еще герой нашъ жилъ,
Но ужъ не жертвой тяжкихъ бѣдъ,
Лишенній всякихъ силъ —
Онъ жилъ, дѣтями окруженнъ,
Онъ говорилъ, что счастливъ онъ,
Какъ міръ весь осталній
И лишь смущалъ порою вдругъ
Его вопросъ одинъ:
„Какъ могъ тогда попасть въ сундукъ
.... имеретинъ?..“

† Н. Симборский.

НАМЪ ПИШУТЬ.

Изъ Кутаиса. Съ чего начать настоящее посланіе — ей Богу затрудняюсь. У насъ тиши да гладь, все обстоитъ благополучно, по старому. Вотъ разъ мордбитія... Но я уже разъ сказаъ, что воинственность въ основѣ характера кутаисцевъ... Мы здѣсь на это и вниманія мало обращаемъ. Не такъ давно въ клубѣ одинъ зулусъ отхлопалъ другого по щекамъ — ничего... Оба въ клубѣ остались и, кажется, уже ходить подъ ручку по аллеямъ нашего „сквера...“ (Покойница „Искра“ производила это англійское слово отъ русскаго „скверно“). Кстати о клубѣ. Въ его конторѣ находится любопытнѣйшій обращикъ канцелярскаго остроумія. Дѣло вотъ въ чёмъ: Клубъ подалъ просьбу о разрѣшеніи ему маскарадовъ... я не могу съ стенографической точностью передать вами отвѣтъ на эту просьбу, но приблизительно онъ гласитъ: Такъ какъ о разрѣшеніи маскарадовъ просили одни члены клуба, то разрѣшить имъ они, съ тѣмъ, чтобы дамы (какъ не ходатайствовавши) не принимали въ нихъ никакого участія!?

Каково-съ?..

Наши педагоги въ своемъ колективномъ протестѣ (№ 27 „Кавказъ“), обѣляя своего главу говорятъ, что *подлинныя слова были: господи, пора кончить, завтра уроки и молодымъ людямъ нужно идти спать...* Ахъ, господа! Вѣдь ужъ всѣ знаютъ, что вашъ директоръ ревностный педагогъ... и вдругъ *„завтра уроки!“*.. А ну, какъ начальство да заглянетъ въ прошлогодній календарь и увидитъ, что это *„завтра“* приходится какъ разъ 7 декабря въ воскресенье?.. (балъ, на которомъ была сказана фраза давался 6 декабря) или падѣетесь, что *похвалить*, сказаъ, „ахъ, хороший педагогъ! даже по праздникамъ учиться дѣтей заставляетъ...“ Можеть быть и это, но по моему вы понеруеусердствовали...

„Въ древности Австрію Янъ Собескій отъ турокъ очистилъ...“

„Кто-же очистить нашъ городъ, хотя въ немъ пайдется сто яновъ...“

Выскочекъ много другихъ, всевозможныхъ племенъ и фамилій.

Спроси я васъ отрывкомъ стиховъ, не помѣщенныхъ въ „Фалангѣ“ по независящимъ обстоятельствамъ.

Сибирскій

Изъ Cinq-Montagne или Сѣроводска. Въ Сѣроводскѣ, въ извѣстномъ маленькомъ городкѣ Сѣверной-Колхиды, жители которого, въ силу какогото злосчастнаго рока, на нѣсколько мѣсяцевъ впадаютъ въ зимнюю синичку, прѣзываются, нерѣдко, прѣзабавные курьезы. Сообщаю одинъ изъ нихъ.

Нѣкакъ очень говорливая, бойкая и не первой свѣжести замужняя вдова, вкупе съ своимъ юнымъ Гиминеемъ, изъ неудавшихся и малограмотныхъ марсовъ, порѣшила эксплоатировать довольно ветхій, безобразно-грязный, ежечасно грозящій завалиться мѣстный храмъ Талии и Мельяномены. Чтобы выплатить аренду владѣній полуразвалившагося храма музъ, а главное обезпечить собственное свое благоденствіе въ юдоли земныхъ скорбей и несовершенствъ, замужняя — вдова избрѣла слѣдующее вѣрное средство пробуждать мягкосердечныхъ дремлящихъ обывателей. Начиная съ ноября и кончая масленицею, бойкая арендаторша храма музъ устраиваетъ рядъ спектаклей, по два въ недѣлю, оповѣща, нерѣдко публику, что сборы со спектаклей назначаются для бѣднѣйшихъ изъ бѣдныхъ. Словомъ, пускается сигнальная, довольно

шумная филантропическая ракета, которая пробуждаетъ многихъ мягкосердечныхъ, но съ просьбою не сознавающихъ въ чёмъ дѣло, обывателей Сѣроводска. Сиѣшно начинается денежный сборъ въ пользу голодныхъ и холодныхъ; затѣмъ въ храмъ музъ является публика, а сцена наводняется бездарнѣйшими исполнителями всяческой дребедени. Но вотъ занавѣса опущена; приступаютъ къ ликвидациіи кассы и что же, часто, оказывается: *наиболѣйшіе изъ бѣдныхъ получаютъ пѣни, съ по желаніемъ разбогатѣть на собственный страхъ; а изобрѣтатели филантропическихъ ракетъ уходятъ по домамъ съ полными кошельками, уплативъ только малую — толику нѣкоторымъ несчастнымъ труженикамъ за ихъ физические и моральные на туги на сценѣ. Вотъ и все. Коротко и, надѣюсь, ясно.*

Но можетъ быть читателя „Фаланги“ пожелаютъ спросить, что-же подѣлываетъ Сѣроводское „Благотворительное Общество“? И неужто оно не догадывается, что описанный курьезъ дискредитируетъ его естественную роль въ городѣ? На это спѣшу отвѣтить. Сѣроводское Благотворительное Общество ведетъ теперь свои дѣла въ мировомъ направленіи. Заразившись же обывательскою зимнею синичкою, оно мирно и безмятежно дремлетъ, съ приятными грезами на лучшее будущее.

Вѣте.

Нѣкакъ. Вся наша жизнь выражается въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: „пить, пѣть и спать!“ Мы вѣрны этому не музыкально и однозначно выраженному девизу, какъ едва-ли какая-нибудь женщина можетъ быть вѣрна своему торжественному обѣщанію, въ нашъ разнудзанный вѣкъ. Горе тому, кто въ Кахетіи выкажетъ пренебреженіе къ десяткамъ лѣтъ созданному обычью и начнетъ разсуждать, читать или какимъ либо инымъ не дворянскимъ дѣломъ заниматься! Бунтовщики будуть объявлены мѣстными Ноздревыми виѣ закона и наказаны по всей строгости установленного ими военнаго положенія. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть на свѣтѣ пріятнѣе вина, иѣнія и сна! Однакожъ, въ средѣ нашей не переводятся безпокойные люди, увлекающіе молодежь своими глупыми замашками: имъ мало пѣть, пить и спать — имъ хочется еще бесѣдоватъ, переливать изъ пустого въ порожнѣе! За то же достается этимъ нигилистамъ. Недавно одинъ изъ уважаемыхъ нами помѣщиковъ г. Ч. съ ирпискорбемъ замѣтилъ на кварельскомъ обѣдѣ, что его племянница бунтуетъ: она раскрыла ротъ и начала говорить съ какимъ-то кавалеромъ, кажется съ офицеромъ милиціи. Нашъ почтенный Ч., понятно началь воловатъся и въ полголоса проклинать. Но каково же было его удивление, когда ея примѣру послѣдовала его дочь, его собственная дочь! Онъ не выдержалъ и поколотилъ ее. Племянница, завидѣвъ это, тотчасъ-же обратилась въ бѣгство; онъ рѣшилъ покончить съ ними разъ и потому нѣсколько не смутился этимъ обстоятельствомъ: выѣжалъ на дворъ, поймалъ бѣглanku и тутъ-же проучилъ ее по-своему.

Нравоученіе: молодая кахетинка, передъ тѣмъ какъ говорить съ кавалеромъ, должна подумать о могуществѣ родныхъ кулаковъ.

ВОСТОЧНЫЯ ИЗРѢЧЕНИЯ.

Богачъ безъ щедрости, это — дерево безъ плодовъ.

Прежде чѣмъ войти, подумай о выходѣ.

Думать, что бессильный врагъ не можетъ вредить, это — думать, что искра не можетъ произвести пожара.

ЗЛОДѢЙЩІЕ

Садись криво если хочешь, но говори прямо.

Надо быть дуракомъ, чтобы давать совѣты врагу, но слѣдовать его совѣту еще глупѣе.

Когда первый мѣсяцъ супружества бываетъ только медовымъ, то второй бываетъ мѣсяцемъ полниннымъ.

Ученый безъ тгореній, эта — туча безъ дождя.

АЛЬБОМЪ КУРЬЕЗОВЪ.

На послѣднемъ оперномъ спектаклѣ по даны были г-ну Пальму, и г-жѣ Рафаэль-Махвицъ нижеслѣдующіе адрессы:

Господину С. А. Пальму.

Послѣ замолкнувшихъ пѣвцовъ Итадіи, послѣ гармоническихъ живыхъ пѣвцовъ, еще свѣжихъ, не утратившихъ слѣдовъ въ нашихъ сердцахъ, сладкіе звуки долго не ласкали нашего слуха, оперное пѣніе долго не потрясало нашихъ душъ, и жизнь наша была монотонна... Мы, сыны юга, подъ обаятельной пѣвой лазурѣ нашихъ небесъ, настраивающіхъ насъ къ восприятію всего высокаго, изящнаго, — съ сладостнымъ трепетомъ жаждали любви и восторгающихъ порывовъ, съ упоительной пѣвой въ гармоническомъ слѣяніи звуковъ, словно, послѣ зімнаго сна созерцанія расцвѣтающихъ розъ въ теплое утро мая съ его соловьиными пѣснами, въ часъ ночнаго безмолвія... И вотъ ты прѣхалъ къ намъ, и какъ истинный артистъ, не жадѣя ни трудовъ, ни денегъ, въ ущербъ своимъ интересамъ, съ любовью къ дѣлу, поставилъ на нашей сценѣ рядъ итальянскихъ и русскихъ оперъ, съ лучшими артистами, но не на языкѣ иностранномъ, а на языкѣ русскомъ, дорогомъ, близкому, возбудившемъ въ сердцахъ нашихъ святой отклики. Передъ нами пронеслись великие русские поэты и композиторы. Мы заслушивались:

„Жизнь за Царя“, „Русланомъ“, „Русалкой“... Иные пѣсни, иныхъ мелодіи, богатыя красотой гармоніи, тронули, согрѣли и сроднили наши сердца съ славянскими звуками и наѣвами, дотолѣ мало знакомыми намъ. Спасибо тебѣ за все это, Пальмъ! честь и слава тебѣ могучихъ пальмъ!!! Намъ не забыть твоего дѣла!!!! Въ лицѣ твоемъ благодаримъ всѣхъ артистовъ и артистовъ, доставившихъ намъ много божественныхъ наслажденій. Пусть отъ настѣ сей, достойно заслуженный тобою, вѣнокъ, будетъ невольно данью искренней благодарности нашихъ сердцъ. Жаль только, что вечеръ сей есть послѣдній вечеръ нашихъ наслажденій. Еще разъ спасибо тебѣ, Пальмъ!

Хотя слогъ автора и можно считать образцовымъ, но охотниковъ подписать адрессы не оказалось и адрессы былъ поданъ безъ подписей, даже самъ авторъ не подписалъ его. Но, видна птица по полету, — и мы едва ошибемся, — предположивъ, что адрессы принадлежатъ иеру, произведенія котораго мы уже помѣщали въ нашемъ альбомѣ курьезовъ.

Госпожа Ю. Э. Рафаэль-Махвицъ.

Въ нашихъ мечтахъ и грезахъ въ рѣдкія минуты глубокаго душевнаго раздумья, когда мысль паритъ высоко надъ юдолю будничныхъ заботъ, иногда предъ глазами души мелькаютъ поэтическіе чарующіе образы поющіхъ русалокъ. Мы тогда, будто, заслушиваемъ пѣніемъ, преисполненнымъ пѣви и убаюкивающихъ очарованій, словно сотканныхъ изъ шелеста крыльевъ мотылѣй, соловьиныхъ балладъ и шума лѣсовъ, нарядившихъ въ зеленый весенний одѣжды. Но, увы, иллюзія проходитъ, и мы съ горечью въ сердцахъ нашихъ

убеждаемся, что это было лишь грезой. О, артистка! ты на сценѣ издали напоминала невольно намъ, что эта греза можетъ быть иногда и правдою. Симпатичный твой образъ мелькал передъ нами грезой поющій русалки. Ты наполнила и согрѣвала наши сердца восторгами мелодіи, будила въ нихъ всѣ дремлющія благородныя человѣческія чувства, ты своей игрой и мелодическими пѣніемъ заставляла наши груди спльнѣе, порывистѣе дышать. Ты не щадила трудовъ и здоровья, чтобъ на нашей сценѣ воскресить первоклассныя роли итальянскихъ и русскихъ оперъ, блестала въ нихъ высокимъ искусствомъ, осѣненнымъ чарующей женственностью и артистическою добросовѣстностью. Ты отличалась прямотою и великолѣпіемъ характера, играла и пѣла и за себя, и всегда готова была играть и пѣть даже за другихъ. Ты для доставленія художественныхъ наслажденій намъ, выказала всѣ свои богаты, голосовая средства, признанные съ восторгомъ и оцѣненные громъ аплодисментовъ на знаменитыхъ сценахъ Барселоны, Мадрида, Милана, Лондона, Триеста.... Ты, какъ залетный соловей, восторгла насъ пѣснями Вани, Ратмира, и доказала всю высокую степень твоего таланта въ Апдѣ, въ Троваторѣ, въ Фаустѣ, въ Еврѣкѣ, Русланѣ и проч. Ты для насъ на сценѣ была очаровательной поющей феей, и намъ сегодня невыразимо жаль прощаться съ тобою. Но образъ твой, какъ симпатичной артистки, на всегда останется въ нашей памяти. Подноси этотъ вѣнокъ тебѣ, лишь скромную, но искреннюю дань благодарности нашей, мы отъ души говоримъ спасибо, спасибо тебѣ, незабвенна артистка, поющімъ соловьемъ мая навѣстившая нашъ югъ, своими пѣснями заставившая встрепенуться наши сердца. Пусть эти слова, точно дождь розъ, долетаютъ до тебя изъ нѣдѣль интеллигентій, будутъ принятія тобою при этомъ, вполнѣ заслуженномъ тобою, вѣнокъ, хоть невидимою, но единодушною, хоть скромною, но вырвавшееся невольно изъ нашихъ сердецъ данью!... Спасибо, спасибо тебѣ!!!!

Прелестно!.. что можетъ быть лучше этихъ „сюжетовъ, летающихъ изъ нѣдѣль интеллигентіи, точно дождь розъ?“ А это „невидимая, но вырвавшаяся дать сердечу?“—Сколько въ этихъ строчкахъ скрыто незадимою смысла и вырвавшейся изъ подъ господства нослѣдняго фантазіи!

Отказываемся вѣрить, чтобы и этотъ адресъ остался неподписанымъ!!

Убѣдительно просимъ автора адрессовъ принять участіе въ „Фалангѣ“ и доставлять материалъ для нашего альбома курьезовъ. Плата—по 5 коп. за строчку.

ИНОГОРОДНЯЯ ПОЧТА.

Поти. Г. Неплоистому.

У васъ былъ спектакль и балъ. Ну, и веселитесь, а насъ это не интересуетъ.

Кутаисъ. Н. С.

Напечатано не будетъ. Если этотъ отвѣтъ васъ убьетъ, то сами виноваты. Мы мстимъ за время, которое вы убили.

Деликанъ. Г. Р.—скому.

Ваша комедія „Подштила“ доказываетъ только, что надъ вами муга подштила.

Ахалкалаки. В. С.

Сѣйшнѣмъ увѣдомите Васъ, что-бы вы карикатуру не приготовляли; вашихъ карикатуръ намъ не надо.

Кутаисъ. Мишъ Зичъ.

О гонорарѣ съ Вами мы говорить не будемъ, такъ какъ изъ произведеній вашихъ ничего не напечатаемъ.

Терская Область. Г. Станичкину.

Вы не лишены таланта, но присланное носить слишкомъ частный характеръ и потому напечатать не можемъ. Присылайте корреспонденціи о фактахъ общественной жизни.

Петербургъ. Г. Не—Гейне.

Охотно вѣримъ, что вы не Гейне и присланного не напечатаемъ.

Поти. Г. жъ А. В.—ской.

Объявленія ваши могутъ быть напечатаны только за деньги.

Отъ Редакціи

Біографіческія свѣдѣнія о почтмейстѣ Симборскомъ будутъ помѣщены въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ „Фаланги“ вмѣстѣ съ его портретомъ.

Редакторъ-издатель И. В. Питоевъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „ТИФЛИССКАГО ВѢСТИКА“.

По взаимному соглашенію редакцій подписчики „Тифлисского Вѣстника“, будутъ получать журналъ „Фалангу“, редакція которой любезно предложила безвозмездно удовлетворить подписчиковъ „Тифлисского Вѣстника“ за недополученные ими №№ газеты съ марта мѣсяца 1880 г. Каждый изъ подписчиковъ будетъ получать „Фалангу“ въ продолженіи всего срока своей подписки, исключая двухъ мѣсяцевъ, (января и февраля 1880 г.) въ теченіи которыхъ разсыпалася „Тифлисский Вѣстникъ“.

ДИЗЕНФЕКЦИОННЫЯ СРЕДСТВА.

Желѣзный купоросъ, хлористая известь 100%, содержанія хлора, переносъ марганца и карболовая кислота 40% получены въ большомъ количествѣ и превосходного качества въ аптекарскомъ складѣ В. И. Гришка подъ гост. Лондонъ. (3) 30—8.

ВЪ ГАЗЕТНОМЪ АГЕНТСТВѢ

В. ШАВЕРДОВА, въ тифлісѣ.

ПРИНИМАЮТСЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ

для напечатанія во всѣхъ газетахъ по редакціоннымъ цѣнамъ (III) 10—9

СОВѢТЪ СТАРИШИНЪ ТИФЛИССКАГО

РЕМЕСЛЕННОГО СОБРАНІЯ

приглашаютъ гг. членовъ на общее собраніе, назначенное въ воскресенье, 1 марта, въ 8 часовъ вечера для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся до собранія. (III) 1—1

5 МАРТА ВЫЙДЕТЬ

№ „ТИФЛИССКАГО ВѢСТИКА“

Въ субботу 7-го марта 1881 года.

Э. К. ПАВЛОВСКОЙ.

ДАНЬ ВУДЕТЬ

КОНЦЕРТЪ.

Въ Залѣ Тифлисскаго собранія, въ пользу Тифлисской дворянской школы и общества изданія армянскихъ книгъ съ благосклоннымъ участіемъ: В. Каракашянъ П. А. Опочинина, П. Адамяна и С. Е. Павловскаго. Билеты заблаговременно можно получить въ музыкальномъ магазинѣ Ланко, въ депо лампъ Цатурова и у швейцара собранія, начало въ 8 ч. вечера.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на издаваемую въ г. Симферополѣ съ 16-го октября газету

ТАВРИДА на 1881 годъ;

(выходитъ по воскресеньямъ и четвергамъ).

Подписанная цѣна: безъ доставки, на годъ 5 руб. на полгода 3 р., на 3 мѣсяца 2 р., съ доставкою на годъ 6 р., на полгода 3 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р. 25 к. Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ Симферополѣ, на Полицейской ул., въ домѣ Сипро и въ Севастополѣ, на Екатерининской ул. въ типографіи Сипро. Въ Тавридѣ будутъ печататься всѣ распоряженія правительства по уничтоженію появившейся на южномъ берегу Крыма Филоксеры. (7) 3—2.

ГОРОДСКАЯ ПОЧТА.

Г. Шинуазу.

Кое что возьмемъ.

Г. Ему.

Ахъ, оставьте!

Сололаки. А—с—у.

Все посланное Вами получили. Многое напечатаемъ. Зайдите въ редакцію.